УДК 343.985.3
DOI: 10.17223/22253513/39/9

Н.Г. Шурухнов, А.С. Князьков, А.В. Акчурин

ЛИЧНОСТЬ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПРЕСТУПНИКА: ПОНЯТИЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ЕЕ СВОЙСТВ

Предметом проведенного исследования стали криминалистические аспекты понятия и свойств личности пенитенциарного преступника в контексте их использования при расследовании преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях. Анализируются результаты исследования ученых, относящиеся к вопросу дефиниции «личность пенитенциарного преступника», высказывается и аргументируется собственная позиция, дается ее содержательное наполнение. Обозначается важность свойств личности для формирования ее криминалистической характеристики, служащей отправной точкой в построении рекомендаций по расследованию преступлений, совершаемых названными субъектами.
Ключевые слова: *личность; личность пенитенциарного преступника; преступные навыки и привычки; обвиняемый; осужденный; расследование; исправительное учреждение; следственный изолятор.*

Вопросы личности преступника представляют традиционный интерес для многих наук криминального цикла [1–5]. Исследователей все больше интересует не только понимание личности преступника вообще, а специфика свойств тех из них, которые совершают определенные виды преступлений (терроризм, экстремизм, мошенничество с использованием банковских технологий), осуществляют противоправную деятельность, имея специфический правовой статус (мигранты, осужденные), в определенной обстановке (местах лишения свободы, в условиях вооруженного конфликта). Кардинальные изменения социально-экономического устройства Российской Федерации повлекли повышенный интерес к условиям отбывания наказания в виде лишения свободы, актуализируя тем самым проблему уточнения понятия «личность пенитенциарного преступника» как центрального элемента криминалистической характеристики преступлений, совершаемых данной категорией лиц в исправительных учреждениях.

Более тридцати лет данное словосочетание активно используется в научной литературе специалистами разных отраслей знания: психологами, педагогами, социологами, но наибольшее его цитирование присутствует в юридических публикациях. Анализ позволяет утверждать об отсутствии единого содержания, вкладываемого в данное понятие, что затрудняет целенаправленное исследование отдельных научных проблем, в том числе связанных с формированием рекомендаций по расследованию преступлений, совершенных указанными субъектами.

Анализ мнений различных авторов относительно рамок рассматриваемого понятия позволяет выделить два подхода. В соответствии с первым из них под пенитенциарными преступниками понимаются лишь осужденные, совершающие преступление в период отбывания наказания в исправительном учреждении (далее – ИУ).

Согласно второму подходу, к числу пенитенциарных преступников относят не только осужденных, совершающих преступления в пределах мест лишения свободы в период отбывания уголовного наказания, но также лиц начальствующего, вольнонаемного составов уголовно-исполнительной системы, граждан, совершающих преступное деяние в период их пребывания на территории ИУ с целью исполнения служебных обязанностей, выполнения трудовых функций, решения семейно-бытовых вопросов.

Полагаем, что со второй точкой зрения вряд ли можно согласиться ввиду отсутствия строгих оснований для группировки (классификации) преступлений, совершаемых несхожими категориями лиц, названными выше. Круг возможных преступников из числа этой обобщенной группы лиц весьма широк и разнообразен, что получает свое отражение в различиях мотивации и преступной цели, объекта и предмета преступного посягательства, способа и орудий его совершения, следов преступления, приемов противодействия расследованию. С учетом доктринальных положений криминалистической методики названные существенные различия обусловливают весьма несхожее содержание криминалистической характеристики преступлений, совершаемых разными по своему правовому статусу лицами.

Рассмотрение обстановки исправительного учреждения как элемента криминалистической характеристики преступления в качестве основания объединения разновидовых субъектов противоправного посягательства в общую группу пенитенциарных преступников, на наш взгляд, является довольно сомнительным, поскольку в подобном случае даже преступное нарушение правил дорожного движения на режимной территории (Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 03.09.2007 № 178), прилегающей к исправительному учреждению, будет с определенной долей формализма тяготеть к подобной группе преступлений.

Кроме того, называние обстановки совершения преступления в качестве единственного из системообразующих элементов криминалистической характеристики преступлений оставляет за скобками такие действительно системообразующие элементы, как личность преступника, способ подготовки, способ совершения и способ сокрытия преступления, отображающие своеобразие механизма пенитенциарного преступления.

В этой связи первая точка зрения выглядит более предпочтительной, поскольку в обоснование своей позиции ее сторонники ссылаются на такой детерминант подобных преступлений, как специфика свойств личности пенитенциарного преступника, обусловленная наличием ранее полученного криминального опыта, негативным влиянием неофициальных норм поведения, культивируемых в среде осужденных в условиях принудительной изоляции. В подтверждение правильности данного взгляда можно привести

мнение отдельных авторов, которые, исследуя проблему влияния негативных экономических факторов, порождающих социальную напряженность в местах лишения свободы, подчеркивают, что действие этих факторов носит опосредованный характер, поскольку «…они не детерминируют непосредственно преступное поведение осужденных, а воздействуют или преломляются через структуру личности преступника» [6. С. 62]. Нельзя не заметить, что в числе особенных, весьма немногочисленных методик расследования преступлений, на которые указывают отдельные авторы, строящихся преимущественно по криминалистическим признакам, находятся частные криминалистические методики, разрабатываемые на основе специфических свойств личности преступника [7. С. 246].

Вместе с этим в уточнении нуждается и первая из названных научных позиций, касающаяся категорий лиц, рассматриваемых в качестве пенитенциарных преступников. Кроме осужденных, совершающих преступные деяния в местах лишения свободы, к указанным субъектам следует относить и лиц, которые, пребывая в следственном изоляторе (далее – СИЗО) или помещении, функционирующем в режиме следственного изолятора (далее – ПФРСИ), совершают новые преступления.

В обоснование своей позиции приведем следующие аргументы. Во-первых, осужденные, помимо исправительных колоний и тюрем, могут отбывать лишение свободы непосредственно в СИЗО при оставлении их там для хозяйственного обслуживания, что является давно сложившейся и довольно распространенной практикой, учитывающей положения ст. 77 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

Во-вторых, подобного объединения разных по правовому положению лиц (подозреваемых, обвиняемых, осужденных) требует практическая потребность организации деятельности федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (далее – ФСИН России), в частности необходимость ведения, согласно приказу ФСИН России от 27.02.2020 № 138, единого учета преступлений, совершаемых указанными лицами, а также выработки единых мер по их профилактике (Приказ Минюста России от 20.05.2013 № 72 (в ред. от 02.11.2018)).

В-третьих, в последние годы среди лиц, содержащихся в СИЗО и ПФРСИ, преобладают лица, ранее уже имевшие значительный преступный опыт. Уголовная статистика свидетельствует, что доля ранее судимых подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в СИЗО и ПФРСИ, составляет 89% [8. С. 291]. Отметим при этом, что тюремная субкультура (неофициальные нормы поведения) с присущими ей «понятиями» и стратификацией играет применительно к межличностным отношениям одинаковую роль как в исправительных учреждениях, так и в СИЗО, а также в ПФРСИ.

В-четвертых, с позиции криминалистической классификации преступлений, имеющей важное значение для формирования частных криминалистических методик, именно на рассматриваемую категорию преступников указывают нормы ст.ст. 313 и 321 УК РФ: анализ их диспозиций позволяет говорить о том, что субъектами названных в них деяний являются лица,

находящиеся в условиях их изоляции от общества в связи с совершением преступления.

В-пятых, этимологический анализ слова «пенитенциарный» показывает, что с латинского *poenitentiarius* переводится как *покаянный*. Предполагается, что лицо, помещаемое в специальные условия пенитенциарного учреждения в связи с совершением преступления, должно начать каяться, т.е. осознавать ошибочность, неправильность своего противоправного поведения, что в дальнейшем должно способствовать исправлению данного лица. Заметим в этой связи, что по проекту об устройстве тюрем 1787 г., подготовленному императрицей Екатериной II, одна из темниц тюрьмы именовалась покаянной: «1-я – темница, или покаянная для тѣхъ, кои, власть на то имѣющимь, судомъ на смерть осуждены» [9. С. 68].

Таким образом, понятие «пенитенциарный преступник» наполняется следующим содержанием: это лицо, помещенное в условия специальной изоляции от общества и тем самым фактически признанное опасным для общества ввиду ранее совершенного преступления, вместо покаяния совершает новое умышленное преступление, повышая тем самым общественную опасность своей личности. В приведенном подходе имеется объяснение необходимости объединения разных по правовому статусу, но очень близких по фактическому положению лиц – осужденных и заключенных под стражу. Наш подход позволяет понимать под пенитенциарным преступником лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы, а также подозреваемое, обвиняемое, содержащееся под стражей, совершившее в условиях изоляции новое преступное деяние умышленного характера.

Рассмотрение свойств личности пенитенциарного преступника должно осуществляться в неразрывной связи с анализом факторов воздействия на их проявления специфических условий отбывания наказания, в широком смысле – специфических условий (установленного порядка) изоляции от общества, получивших название режима. Характеризуя значение режима для организации исполнения уголовного наказания, отдельные авторы подчеркивают, что он, представляя собой внутренний порядок учреждения, «самым радикальным образом влияет как на правовой статус осужденного, так и на фактический его образ жизни» [10. С. 151].

Значимым с позиции организации жизни находящегося в исправительном учреждении лица является то обстоятельство, что обстановка, в которую попадет осужденный, где, образно говоря, каждое бревно деревянного сруба, каждый кирпич в кладке «пропитаны» особыми нормами жизни, воздействует в большей или в меньшей мере на переустройство его внутреннего мира: он становится другим – осторожным, замкнутым, осмотрительным, безынициативным. При длительном пребывании в местах лишения свободы люди приобретают комплекс специфических привычек. При этом происходит сплетение имеющихся и приобретаемых личностных свойств человека в некое новое, единой целое, которое в дальнейшем играет роль своеобразного стержня, основы, на которую наслаиваются все новые

и новые черты личности, преимущественно связанные с приспособлением для выживания в особых условиях, с опытом и навыками противоправной деятельности, с оказанием противодействия администрации ИУ.

Нельзя не учитывать сущностные стороны взаимоотношений сотрудников администрации исправительного учреждения и лиц, помещенных в это учреждение. В течение исторически длительного времени складывалась ситуация, при которой осужденные, подозреваемые и обвиняемые в причинах необходимости соблюдения режима ограничения свободы обвиняют должностных лиц, обеспечивающих реализацию правил их изоляции от общества, т.е. лиц, которые объективно не причастны к деяниям, послужившим основаниями назначения уголовного наказания либо содержания под стражей. В психологическом плане происходит «перенос» психического напряжения находящихся в строгой изоляции лиц на лиц, имеющих такой же правовой статус, либо на должностных лиц названных выше учреждений в виде необоснованных претензий, недовольства, гнева, вызванных специфическими условиями ограничения свободы, получивших свое преломление через личностные свойства осужденных.

Формирование криминалистических методик расследования любых уголовно наказуемых деяний предполагает обращение к свойствам лица, причастного к совершению преступления, как к содержанию элемента криминалистической характеристики соответствующего деяния. Исходя из двухаспектности криминалистической методологии [11. С. 114–116], речь нужно вести о двух источниках информации о личности пенитенциарного преступника, необходимой для эффективного расследования совершенных им преступлений. В методологическом плане первый из источников информации представляет собой сведения, полученные дознавателем или следователем, второй источник информации выступает в виде результатов научного исследования, целью которого является разработка соответствующих криминалистических рекомендаций. Эти два вида информации, имея, по сути, одинаковые истоки, играют, однако, различную исследовательскую роль: информация первого вида представлена текущими сведениями, информация второго вида – перспективными (научными) сведениями, получившими у отдельных авторов название теоретических основ, применяемых, в частности, при конструировании следственных версий [12. С. 66].

Отображениями свойств личности пенитенциарного преступника выступают оставляемые им различные следы, возникающие в результате его взаимодействия с разными материальными системами. В зависимости от этого в следах отображаются анатомические, биологические, психологические и социальные свойства, которые позволяют идентифицировать человека, установить фактическую картину события преступления, прогнозировать поведение правонарушителя, в том числе по отношению к факту расследования. И в первом, и во втором случаях свойства личности – ключ к установлению механизма преступления (динамической системы преступной деятельности), к выяснению обстановки совершения преступления, выбранных лицом способов подготовки, совершения и сокрытия пре-

ступления, в некоторых случаях – к выяснению личности потерпевшего, и в конечном счете – к распознанию пути достижения противоправного результата. Практика убеждает в том, что учет свойств личности преступника позволяет значительно повысить результативность уголовно-процессуальных, в том числе следственных, действий, оптимизировать мыслительную деятельность субъекта расследования, соблюсти принцип разумного срока уголовного судопроизводства.

Изучение противоправной деятельности пенитенциарного преступника, строящееся на положениях гносеологии, позволяет установить его отдельные свойства в силу отражения их как в неживой, так и в живой природе, причем механизмы и степень точности отражения будут, исходя из характера следовоспринимающих объектов, различными.

Материально-фиксированные отображения, являющиеся результатом взаимодействия правонарушителя с неживой природой, являют собой значительное многообразие, обусловленное многообразием и природой следообразующих и следовоспринимающих объектов. Так, при совершении побега из места лишения свободы такими следами, как свидетельствует практика, являются:

– повреждения основного ограждения ИУ, образованные различными орудиями, приспособлениями, техническими, транспортными средствами;

– фрагменты следов обуви и подручных предметов на контрольно-следовой полосе (грунте);

– волокна ткани и других материалов на колючей проволоке, специальных преградах;

– мазки или капли крови, волосы, окурки, спички на тех или иных объектах, в отдельных местах;

– грунт, разбросанный в определенном месте и отличающийся цветом, составом от природного, применительно к конкретной местности, поверхностного грунта;

– подручный инструмент (ведро, пластмассовый контейнер, лом, лопата, совок), находящиеся в неустановленном месте;

– приспособления, необходимые для освещения подземного тоннеля (электрические провода, вилки, розетки, электрические лампочки, керосиновые, масляные осветители кустарного изготовления).

Следует учитывать, что человеческий организм при воздействии на него мускульной силой, в том числе с использованием тяжелых, колюще-режущих предметов, химических реактивов, реагирует на них образованием гематом, кровоподтеков, ран, ссадин, порезов и т.п. Такие следы на теле подозреваемого могут возникнуть в процессе оказания ему сопротивления со стороны потерпевшего, в том числе с использованием тем и другим предметов, оказавшихся в месте нападения, а также как результат пресечения его действий со стороны свидетелей.

Перечисленные следы и иные изменения обстановки на месте совершения пенитенциарного преступления образуются в результате целенаправленных действий преступника. Их осмысление следователем в контексте

анализа механизма деяния позволяет установить, каким «инструментарием» располагал преступник, какую вел подготовку к совершению деяния и его сокрытию, могли ли быть у него пособники, в чем состояла их роль, кто мог наблюдать происходящее либо знать о нем от преступника или очевидцев преступления.

Незаменимую роль в получении информации о разнообразных обстоятельствах преступления, прежде всего поведении преступника, играет осмотр места происшествия. Это следственное действие по своей познавательной сущности является тем действием, которое позволяет субъекту расследования непосредственно «включиться» в обстановку – там, где действовал преступник, там, где остались следы, указывающие на его взаимодействие с окружающей средой, и с помощью своих органов чувств воспринять обстоятельства, имеющие значение для расследования преступления. Тщательное, профессиональное исследование места происшествия дает возможность отыскать проявления взаимосвязей между элементами криминалистической характеристики преступления, многие из которых (взаимосвязей) строятся на учете закономерностей поведения преступника. При этом внимательное изучение овеществленного в материальной обстановке деяния способствует установлению негативных обстоятельств как фактов, указывающих на их фальсифицированный характер, призванных сокрыть действия тех или иных лиц. Их выявление позволяет опровергнуть ложное алиби, установить попытку переложить вину на других осужденных, в том числе на тех, которые готовы (вынуждены) ее взять на себя, руководствуясь различными соображениями, понятными, впрочем, должностным лицам ИУ в силу их немалой осведомленности о характере взаимоотношений внутри конкретного сообщества осужденных.

Предлагаемая нами детализация материальной картины пенитенциарного преступления может показаться излишней в силу ее частой встречаемости в уголовно-исполнительной практике и осведомленности о ней лиц, осуществляющих предварительное расследование. Между тем для этого есть не только дидактические, но и организационные причины. Прежде всего, практика совершения пенитенциарных преступлений, как и иных деяний, постоянно видоизменяется, и это требует корректировки содержания профессиональной подготовки должностных лиц, расследующих такие преступления. Помимо этого, мы исходим из наличия организационных упущений, базирующихся на ошибочном мнении о том, что материально выраженные последствия деяний пенитенциарных преступников в силу специфики обстановки совершения преступления характеризуются исключительной фрагментарностью, в том числе по причине реализации возможности заинтересованных лиц уничтожить следы посягательства. Учитывая это, акцент в расследовании данных преступлений, считают они, должен быть сделан на поиске и использовании вербальной информации, на сведениях, исходящих от лиц начальствующего состава и вольнонаемных сотрудников ИУ. Развернутая в настоящей работе структуризация «следовой картины» пенитенциарного преступления позволит, на наш

взгляд, оказать помощь в организации производства невербальных следственных действий, прежде всего осмотра места происшествия, одновременно показав несостоятельность взглядов на информативно слабую материальную картину отмечаемых преступных деяний.

Еще одним объяснением ненадлежащего отношения должностных лиц к исследованию материальных следов пенитенциарного преступления выступает указание дознавателей (следователей) на хорошее знание администрацией исправительного учреждения личностных свойств осужденных, что само по себе позволяет выдвинуть обоснованные следственные версии о характере события и причастных к нему лицах. Не принижая значения знаний о личности преступника в криминалистической теории и практике, необходимо, как представляется, относительно любой категории преступников, в том числе пенитенциарных преступников, исключить абсолютизацию положений учения о личности обвиняемых (преступников) для целей их изобличения.

Нельзя не сказать, что пенитенциарные преступники к имеющейся в распоряжении следователя информации о материальных следах деяния относятся как к бесспорным доказательствам, что исключает конфликтную ситуацию предварительного расследования.

Важное поисково-познавательное значение имеют обстоятельства, изучение которых позволяет получить сведения о психологических и социологических (прежде всего применительно к специфическому пенитенциарному официальному и неофициальному статусам отбывающего уголовное наказание субъекта) характеристиках личности преступника. Как справедливо отмечают отдельные авторы, следы, отображающие психологические свойства личности, не наблюдаются непосредственно, а выявляются лишь в результате анализа материальных явлений, из смыслового значения и связей наблюдаемых следов, последствий поведения, выступающих в качестве показателей их содержания, а также через устную и письменную речь [13. С. 25].

Психологические свойства названных лиц наиболее отчетливо проявляются в мотиве преступления, который нередко может указать на следующие обстоятельства:

– объект и предмет противоправного посягательства;

– характер, расположение, множественность следов, повреждений;

– орудия, средства преступления, места их приискания, изготовления, а кроме того – на лиц, которые причастны к их приисканию и изготовлению;

– иные действия подготовительного характера;

– способ совершения преступления;

– способ сокрытия преступления.

Заметим, что в равной мере перечисленные обстоятельства могут указывать на мотивы противоправного деяния.

Анализ мотивов совершения преступлений в ИУ и мотивов поведения пенитенциарного преступника и иных осужденных в уголовном судопроизводстве позволяет выделить пять типов пенитенциарных преступников:

– извлекающие личную, в том числе материальную, выгоду из факта совершения определенного вида преступлений;

– навязывающие другим осужденным соблюдение неофициальных норм поведения, мстящие за нарушение установленных запретов, принятых в воровской среде;

– утверждающие свой авторитет и неофициальный статус;

– бравирующие своим антисоциальным поведением, выражающие явное неуважение к обществу, к требованиям общественной безопасности и общественного порядка;

– защищающие свои права на жизнь, здоровье, доброе имя, противодействующие притеснениям со стороны других осужденных.

Знание психологических свойств пенитенциарного преступника представляют возможность установить его принадлежность к определенной страте, место, занимаемое в ней, стремление занять в отдельной страте более высокое положение либо перейти в более «престижную» страту, склонность или отсутствие таковой к совершению противоправных деяний, принадлежность к организованным группам.

Информация, касающаяся отмеченных свойств, может служить основанием для выдвижения общих и частных следственных версий (нередко – розыскных следственных версий), построения развернутого плана расследования, выбора тактики и технологии производства уголовно-процессуальных, в том числе следственных, действий для определения оптимальных направлений взаимодействия субъекта расследования с должностными лицами оперативных и режимных подразделений ИУ, СИЗО, иными лицами. Помимо решения задач по доказыванию, эта информация также позволит решить задачу по преодолению противодействия расследованию и принятию различного рода упреждающих мер.

Во многом получению личностной информации психологического и социологического характера способствует осведомленность оперативного аппарата исправительных учреждений о прошлом поведении осужденных, исходя из документов, направляемых в ИУ для исполнения уголовного наказания, а кроме того – из оперативных материалов, указывающих на намерения пенитенциарного преступника, настрой близкого к нему окружения и степень влияния на него.

Анализ практики показывает, что первоочередную значимость для расследования должны играть сведения о психологических свойствах личности пенитенциарных преступников, представляющих наибольшую общественную опасность, демонстрирующих криминальную активность. Значительная часть таких лиц соотносится с психотипами «холодная натура» или «расчетливо-рассудительный человек». Осужденные лица, относящиеся к данным психотипам, как пишут отдельные авторы, – «это обычно лица, неоднократно совершавшие преступления, бесчувственные, ничего и никогда не переживающие; они ничему не радуются и ничем не огорчаются. Для них характерны пониженная эмоциональная восприимчивость, черствость, жестокость и бесчеловечность. Преступления они готовят и совер-

шают обдуманно, при этом нередко ставят цель достигнуть определенного положения в обществе, получить блага или устранить преступным путем препятствие, стоящее на пути к цели» [14. С. 37].

Подавляющее большинство так называемых «авторитетов» в ИУ (90%) – лидеров уголовно-преступной среды – имеют возраст от 40 до 60 лет. Им присущи богатый опыт противоправной деятельности и / или криминальный склад характера. Самую крупную «диаспору» составляют представители Грузии: из значительной группы криминальных авторитетов, число которых составляло, по отдельным публикациям, на постсоветском пространстве 364 человека [15. С. 117–127], на территории России в настоящее время находятся 49 «воров в законе». Наиболее распространенными составами преступлений, совершаемых лицами, причисляющими себя к «ворам в законе», являются преступления против общественной безопасности и общественного порядка.

Следует сказать, что данная категория преступников всегда находится под контролем администрации ИУ. Еще несколько лет назад, прибывая в исправительное учреждение, такие лица открыто сообщали о своем особом преступном статусе – статусе «вора в законе». И даже сообщали, при каких обстоятельствах, в присутствии каких преступных «авторитетов» им было «присвоено» это «звание». Ситуация изменилась, когда в УК РФ появилась ст. 210^1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии», внесенная Федеральным законом от 01.04.2019 № 46-ФЗ. Это заставило указанных лиц остерегаться открыто озвучивать названный статус, поручать делать это другим осужденным.

Социальные свойства отбывающих наказание в виде лишения свободы лиц проявляются и через неофициальную стратификацию осужденных, причем важность ее такова, что небезосновательно позволяет отдельным авторам предлагать межвидовую криминалистическую характеристику рецидивиста, в основу которой положена неформальная классификация лица по его статусу в криминальной среде [16. С. 12]. Опрос 568 сотрудников исправительных учреждений, проведенного в 2014–2018 гг. среди слушателей курсов повышения квалификации в Академии ФСИН России, показал, что единой системы страт, одинаково существующих во всех отечественных исправительных учреждениях, нет. Однако 95% опрошенных ответили, что при всех имеющихся различиях существует общее неформальное деление осужденных, которое основывается на неофициальных нормах поведения.

Всех содержащихся в ИУ осужденных условно можно разделить на четыре страты:

– лица, которые придерживаются неофициальных норм поведения, активно культивируют такие нормы и следят за их безусловным соблюдением. В среде осужденных довольно часто такую категорию лиц называют приверженцами воровских традиций;

– осужденные, нейтрально относящиеся к неофициальным нормам поведения (старающиеся не нарушать их), – в среде осужденных они именуются «мужиками»;

– осужденные, нарушившие и нарушающие неофициальные нормы поведения, – так называемые «отверженные»;

– отбывающие наказание в виде лишения свободы, придерживающиеся официальных норм поведения, – так называемый «актив».

Подобное деление осужденных, составленное на основе указанного опроса, в целом соотносится с результатами, полученными в ходе иных исследований [17, 18].

Анализируемые свойства личности осужденных проявляются и в социальном клеймении (стигматизации), где «знаками различия» выступают:

– татуировки (надписи, рисунки, аббревиатуры), отражающие преступный опыт лица, его «авторитет» в уголовной среде [19];

– прозвища, позволяющие делать вывод о положении субъекта в иерархии осужденных;

– вещественные атрибуты (удобная, современная одежда и обувь), лучшие из которых должны быть у лидера группы;

– пищевое довольствие (первым его получает лидер преступной среды);

– размещение в помещениях – непроходное, теплое, хорошо проветриваемое, освещенное место занимают воровские «авторитеты», лица, приближенные к ним, – так называемые «стремящиеся».

В числе социальных свойств личности пенитенциарного преступника следует назвать профессиональные навыки, которые в значительной мере могут иметь связь как с предметом преступного посягательства, так и с орудием, избираемым способом совершения преступления, а кроме того – привычки, которые, как отмечают отдельные авторы, являются родственными с навыками формами деятельности [20. С. 168]. К специальным, «профессиональным» навыкам пенитенциарных преступников следует отнести навыки игры в карты, нарды, домино как обязательное условие воровского авторитета: эти качества «включаются» в своеобразную «личную карточку», в которой «отражаются» такого рода «заслуги». Примерами названных привычек являются употребление жаргонных тюремных выражений, специфическая походка и т.п.

Биологические свойства личности пенитенциарного преступника многочисленны и в зависимости от складывающихся криминальных ситуаций могут играть различную роль в совершении преступления и его расследовании в силу того, что они отображаются в сознании окружающих, материальной обстановке, запечатлеваются средствами объективной регистрации. В числе таких свойств необходимо назвать следующие:

– антропологические (расовые, половозрастные);

– анатомические (строение тела в целом и его частей – головы, лица, конечностей);

– физические (размеры тела);

– функционально-анатомические признаки (элементы походки, мимики, пантомимики, почерка, устной речи);

– физиологические: состав биохимических веществ человека (крови, спермы, слюны, потожировых выделений). Исходя из того, что каждый из

названных биологических компонентов имеет запах, одорологический метод идентификации человека (ольфакторная детекция) в настоящий момент используется в деятельности отдельных ИУ, несмотря на имеющиеся в специальной литературе споры о его доказательственном значении. Реализация указанного метода является сложной по причине высоких материальных затрат, необходимости решения многочисленных организационных вопросов, однако полученные результаты должны соотноситься не с затратами, а с достижением назначения отечественного уголовного судопроизводства. Практика Следственного комитета России подтверждает сказанное: известны случаи, когда с помощью выявления «законсервированных» кровью жертвы запаховых следов удалось изобличить преступника спустя 15 лет после совершения им деяния [21].

Целенаправленный, комплексный сбор данных о свойствах личности пенитенциарного преступника как в процессе расследования, так и в ходе научных исследований в целях формирования соответствующих рекомендаций позволяет более успешно решать задачу установления лица, совершившего пенитенциарное преступление. В тактико-криминалистическом плане это находит выражение в прогнозировании его намерений в следственных ситуациях, складывающихся на различных этапах криминалистической деятельности, в том числе его готовности (готовности иных лиц) противодействовать расследованию преступлений. Вместе с тем в содержание прогнозирования должна включаться вся обстановка посткриминальной деятельности, оно определяется отдельными авторами как «система разнообразных явлений, процессов, объектов, связанных с совершением преступления и его последствиями, выступающими условием дальнейшей реализации посткриминальных действий субъектов в различных ситуациях посткриминального периода» [22. С. 16].

Системное оперирование информацией о личности пенитенциарного преступника позволяет достигать следующих целей:

– установить поисково-познавательное значение обнаруженных следов, в которых могут получить отображение социальные, психологические и биологические свойства личности преступника;

– отыскать иные источники информации о нем;

– определить комплекс и содержание аналитических тактико-криминалистических средств досудебного производства, прежде всего таких, как следственная версия, криминалистическая характеристика преступления, следственная ситуация [23. С. 7–23], необходимые технико-криминалистические средства, информационные технологии собирания, исследования, оценки и использования данных о пенитенциарном преступнике;

– сформировать ориентировочный портрет лица, совершившего преступление;

– запланировать и осуществить комплекс оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий по установлению субъекта преступного деяния, в том числе реализуемых в форме тактико-криминалистической операции;

– смоделировать поведение субъекта преступления и его близкого окружения в ситуациях подготовки, совершения и сокрытия преступления, установив тем самым характер их соучастия в расследуемом преступлении.

Для решения двуединой задачи практического и теоретического характера по изучению личности пенитенциарного преступника требуются достоверное установление картины преступления, выявление и обобщение обстоятельств, обусловивших конкретные противоправные действия субъекта, наиболее полное задействование криминалистических рекомендаций как условия результативного расследования. С другой стороны, криминалистические исследования, с учетом особенностей частной криминалистической методики расследования преступлений, совершенных в условиях отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы, должны предоставлять обстоятельный анализ свойств личности осужденных, содержащихся в ИУ, в том числе их целевых установок, отношений к официальным и неофициальным нормам поведения, социально-ролевых особенностей, обусловленных криминальной стратификацией осужденных.

Подытоживая результаты данного исследования, необходимо подчеркнуть следующее.

1. При расследовании преступлений, совершенных лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы в ИУ, изучение личности пенитенциарного преступника является первостепенной задачей, определяющей во многом успех всей криминалистической деятельности. В силу того, что личность такого преступника совместно с обстановкой совершения преступления выступает в качестве системообразующей «связки» в криминалистической характеристике пенитенциарного преступления, знание ее свойств позволяет, прежде всего, принять надлежащие меры, исключающие уничтожение материальных следов деяния, а кроме того – обеспечить безопасность свидетелей из числа осужденных, оказывающих содействие расследованию.

2. Установление свойств личности пенитенциарного преступника позволяет конкретизировать его роль в противоправном деянии, определить соучастников преступления, прогнозировать поведение всех причастных к совершению преступления лиц на стадиях возбуждения уголовного дела и производства предварительного расследования, а также в судебном разбирательстве, наметить комплекс следственных действий и соответствующих тактических приемов, а кроме того – направление и формы взаимодействия следователя с должностными лицами оперативных и иных подразделений исправительного учреждения.

3. К свойствам личности пенитенциарного преступника необходимо относить его преступные навыки, подчеркнутые в татуировках как символике, имеющей общеизвестный в уголовной среде смысл, а также преступные привычки, находящие выражение в употреблении жаргонных слов, в умении демонстрировать вычурную походку и т.п. Перечисленные обстоятельства прямо или косвенно могут указывать на место, занимаемое таким лицом в иерархии криминалитета, принадлежность к определенной категории преступников, наличие у него специфического преступного опыта.

4. Определение места, времени и условий проведения следственных действий нередко зависит от криминального статуса, возраста, состояния здоровья пенитенциарного преступника. Приверженность подозреваемого криминальной субкультуре и воровским обычаям, наличие конфликтов между соучастниками преступления, особенности межличностного общения в среде осужденных должны учитываться следователем при определении направления расследования, планировании очередности проведения допросов, очных ставок и иных следственных действий с участием осужденных лиц.

5. Пребывание свидетелей пенитенциарного преступления в специфических условиях криминального мира неблагоприятно влияет на процесс получения от них доказательств и по этой причине актуализирует проблемы теории и практики исследования материальной обстановки совершения названного вида деяния как источника криминалистически значимой информации.

Литература

1. Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого (понятие, предмет и методика изучения). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. 176 с.

2. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Личность преступника: криминологический аспект : учеб. пособие. Томск : РИПК МВД РФ, 1995. 50 с.

3. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника : дис. … д-ра юрид. наук. Томск, 2006. 413 с.

4. Баранов Ю.В. Ресоциализация осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания: теоретико-методологические и правовые основы : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2008. 37 с.

5. Малыхина Н.И. Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление : дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2017. 403 с.

6. Ольховик Н.В., Прозументов Л.М. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 160 с.

7. Косарев С.Ю. История и теория криминалистических методик расследования преступлений / под ред. В.И. Рохлина. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. 495 с.

8. Шурухнов Н.Г. Подозреваемые, обвиняемые, содержащиеся под стражей в СИЗО и ПФРСИ: характеристика, виды совершаемых правонарушений и преступлений // Евразийский юридический журнал. 2019. № 3. С. 290–292.

9. Тюрьмы въ Россіи, собственноручный проэктъ императрицы Екатерины II / Сооб. М. Филипповъ // Русская старина. Ежемъсячное историческое изданіе. Годъ четвертый. I іюль. 1873 годъ. СанктПетеребургъ : Типографія В.С. Балашева, 1873. С. 58–86 (19 отделение).

10. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. Томск : Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2018. 240 с.

11. Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа и система. М. : Юристъ, 2005. 174 с.

12. Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. 168 с.

13. Жбанков В.А. Свойства личности и их использование для установления лиц, совершающих таможенные правонарушения. М. : Рос. таможенная акад., 1999. 190 с.

14. Глоточкин А.Д., Пирожков В.Ф. Эмоции и чувства человека, лишенного свободы : лекция / под ред. К.К. Платонова. М. : Высш. школа МВД СССР, 1970. 46 с.

15. Глонти Г., Лобжанидзе Г. Профессиональная преступность в Грузии (воры в законе). Тбилиси, 2004. 132 с.

16. Николайченко В.В. Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления: криминалистическая теория и практика : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. 50 с.

17. Шурухнов Н.Г. Неформальная дифференциация в исправительно-трудовых учреждениях // Социальные исследования. 1992. № 7. С. 73–83.

18. Дмитриев Ю.А., Куницин С.Н. Криминалистически значимые изменения социальной стратификации осужденных // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2011. № 2. С. 115–118.

19. Бельков В.А., Алдашкина А.С. Значение татуировок при расследовании преступлений // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. материалов XXI междунар. науч.-практ. конф., 26–27 мая 2016 г. Иркутск : ВСИ МВД России, 2016. Т. I. С. 295–298.

20. Чулахов В.Н. Криминалистическое учение о навыках и привычках человека : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004. 371 с.

21. «Криминальное чтиво». Александр Бастрыкин – о повседневной работе судебных экспертов и органов следствия // Аргументы и факты. 2020. № 34.

22. Андреев А.С. Посткриминальная деятельность как объект познания в криминалистике и практике расследования преступлений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2020. 53 с.

23. Князьков А.С. Аналитические тактико-криминалистические средства досудебного производства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 164 с.

Shurukhnov Nikolay G., Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation), Academy of the Federal Penal Service of Russia (Ryazan, Russian Federation), *Knyazkov Aleksey S.,* Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), *Akchurin Alexander V.,* Academy of the Federal Penal Service of Russia (Ryazan, Russian Federation)

THE PERSONALITY OF A PENITENTIARY CRIMINAL: THE CONCEPT AND CRIMINALISTIC SIGNIFICANCE OF ITS PROPERTIES

Keywords: personality, personality of prison offender, criminal skills and habits, suspect, accused, convicted, investigation, correctional institution, remand prison.

DOI: 10.17223/22253513/39/9

The subject of the study was the forensic aspects of the concept and properties of the personality of the prison offender. The article presents the solution of the following tasks: identification of the problems of criminalistic understanding of the definition "personality of prison offender", which is widely spread in the legal literature; establishment of criminalistic interrelations and interdependencies between the personality features of prison offender and individual circumstances of crimes committed by them; identification of the main directions of using personality features in tactics and methods of investigation of unlawful acts committed by persons staying in The research is conducted on the basis of analysis of the works of scientists who have previously analyzed some aspects of the penitentiary crime and personality of the penitentiary criminal, as well as the forensic significance of the personality properties of the criminal and the related methodological recommendations for the investigation of penitentiary crimes.

The research used the dialectical method of scientific knowledge, private-scientific methods of analysis and generalization, the method of comparison, the method of modelling, the sociological method used in the survey of correctional officers who attended advanced training courses at the Academy of the Russian Federal Penitentiary Service in 2014-2018. The results

obtained were systematised and compared in order to identify interrelations and interdependencies.

As a result of the study the author's concept of understanding the penitentiary offender is formulated. The arguments in favour of generalisation under this concept of all categories of persons (convicts, suspects, defendants) staying in conditions of isolation in correctional institutions and pre-trial detention centres are given. The main groups of properties of the personality of a penal offender were analyzed. Identified criminally relevant tasks, solved with the use of information about these properties, the main sources of information about the personality of prison criminals. An attempt to comprehend the process of formation of criminologically significant information concerning the penitentiary criminals was made. We analyzed changes in the penitentiary crime situation that indicate the biological, psychological and social characteristics of the personality of the penitentiary offender. Five main types of personality of prison criminals were identified. Possibilities of use of the mentioned properties for construction of the criminalistic characteristic of penitentiary crimes, serving as the starting point in formation of the corresponding criminalistic recommendations are shown.

References

1. Vedernikov, N.T. (1978) *Lichnost' obvinyaemogo i podsudimogo (ponyatie, predmet i metodika izucheniya)* [The personality of the accused and the defendant (concept, subject and method of study)]. Tomsk: Tomsk State University.

2. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (1995) *Lichnost' prestupnika: kriminologicheskiy aspekt* [The criminal personality: a criminological aspect]. Tomsk: RIPK MVD RF.

3. Akhmedshin, R.L. (2006) *Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika* [Forensic characteristics of a criminal personality]. Law Dr. Diss. Tomsk.

4. Baranov, Yu.V. (2008) *Resotsializatsiya osuzhdennykh k lisheniyu svobody i osvobozhdennykh ot etogo nakazaniya: teoretiko-metodologicheskie i pravovye osnovy* [Resocialization of those sentenced to imprisonment and those released from this punishment: theoretical, methodological and legal foundations]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.

5. Malykhina, N.I. (2017) *Kriminalisticheskoe uchenie o litse, sovershivshem prestuplenie* [Forensic doctrine of the person who committed a crime]. Law Dr. Diss. Saratov.

6. Olkhovik, N.V. & Prozumentov, L.M. (2009) *Retsidivnaya prestupnost' osuzhdennykh i ee preduprezhdenie* [Recidivism of convicts and its prevention]. Tomsk: Tomsk State University.

7. Kosarev, S.Yu. (2008) *Istoriya i teoriya kriminalisticheskikh metodik rassledovaniya prestupleniy* [History and Theory of Criminalistic Methods of Crime Investigation]. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press.

8. Shurukhnov, N.G. (2019) Suspects, defendants who are held in custody to the pretrial detention center and PFRS: characteristic, types of the committed offences and crimes. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal*. 3. pp. 290–292. (In Russian).

9. Filippov, M. (1873) “Tyur'my v" Rossii”, sobstvennoruchnyy proekt imperatritsy Ekateriny II [Prisons in Russia, a handwritten project of Empress Catherine II]. *Russkaya starina*. 1st July. pp. 58–86.

10. Utkin, V.A. (2018) *Problemy teorii ugolovnykh nakazaniy* [Problems of the Theory of Criminal Punishments]. Tomsk: Tomsk State University.

11. Yablokov, N.P. & Golovin, A.Yu. (2005) *Kriminalistika: priroda i sistema* [Forensic Science: Nature and System]. Moscow: Yurist".

12. Drapkin, L.Ya. (1987) *Osnovy teorii sledstvennykh situatsiy* [Foundations of the Theory of Investigative Situations]. Sverdlovsk: Ural State University.

13. Zhbankov, V.A. (1999) *Svoystva lichnosti i ikh ispol'zovanie dlya ustanovleniya lits, sovershayushchikh tamozhennye pravonarusheniya* [Personality traits and their use to identify persons committing customs offenses]. Moscow: Russian Customs Academy.

14. Glotochkin, A.D. & Pirozhkov, V.F. (1970) *Emotsii i chuvstva cheloveka, lishennogo svobody* [Emotions and feelings of a person deprived of freedom]. Moscow: Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR.

15. Glonti, G. & Lobzhanidze, G. (2004) *Professional'naya prestupnost' v Gruzii (vory v zakone)* [Professional crime in Georgia (thieves-in-law)]. Tbilisi: TraCCC.

16. Nikolaychenko, V.V. (2006) *Penitentsiarnye i postpenitentsiarnye prestupleniya: kriminalisticheskaya teoriya i praktika* [Penitentiary and post-penitentiary crimes: criminalistic theory and practice]. Abstract of Law Dr. Diss. Saratov.

17. Shurukhnov, N.G. (1992) Neformal'naya differentsiatsiya v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh [Informal differentiation in correctional labor institutions]. *Sotsial'nye issledovaniya*. 7. pp. 73–83.

18. Dmitriev, Yu.A. & Kunitsin, S.N. (2011) Kriminalisticheski znachimye izmeneniya sotsial'noy stratifikatsii osuzhdennykh [Criminalistically significant changes in the social stratification of convicts]. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii*. 2. pp. 115–118.

19. Belkov, V.A. & Aldashkina, A.S. (2016) Znachenie tatuirovok pri rassledovanii prestupleniy [. The value of tattoos in the investigation of crimes]. In: *Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh* [Activities of law enforcement agencies in modern times]. Vol. 1. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 295–298.

20. Chulakhov, V.N. (2004) *Kriminalisticheskoe uchenie o navykakh i privychkakh cheloveka* [Forensic doctrine of the skills and habits of a person]. Law Dr. Diss. Moscow.

21. Batrykin, A. (2020) “Kriminal'noe chtivo”. Aleksandr Bastrykin – o povsednevnoy rabote sudebnykh ekspertov i organov sledstviya [“Pulp Fiction”. Alexander Bastrykin – on the daily work of forensic experts and investigative bodies]. *Argumenty i fakty*. 34.

22. Andreev, A.S. (2020) *Postkriminal'naya deyatel'nost' kak ob"ekt poznaniya v kriminalistike i praktike rassledovaniya prestupleniy* [Post-criminal activity as an object of knowledge in criminology and the practice of investigating crimes]. Abstract of Law Dr. Diss. Rostov on Don.

23. Knyazkov, A.S. (2013) *Analiticheskie taktiko-kriminalisticheskie sredstva dosudebnogo proizvodstva* [Analytical tactical and forensic means of pre-trial proceedings]. Tomsk: Tomsk State University.